

3. Расскажите о культурных связях между Нидерландами и Россией в эпоху Просвещения.
4. Что такое «просветительские журналы»?
5. На литературные достижения какой страны ориентировался Юстус ван Эффен?
6. Докажите, что творчество Рейнвиса Фейта относится к сентиментализму.
7. Что пародирует Беллами в своем «Фрагменте сентиментальной истории»?

ГЛАВА 11

**ЭЛИЗАБЕТ ВОЛЬФ
и АГАТА ДЕКЕН
ELISABETH WOLFF
en AGATHA DEKEN**

Совместное творчество двух эмансипированных писательниц-просветительниц XVIII века Элизабет (Бетье) Вольф-Беккер (Elisabeth (Betje) Wolff-Bekker, 1738–1804) и Агагы (Аахье) Декен (Agatha (Aagje) Deken, 1741–1804) — уникальное явление в нидерландской литературе. Их шедевр «История девицы Сары Бюргерхарт» (“Historie van mejuffrouw Sara Burgerhart”) (1782) — роман-наставление для молодых девушек, написанный с хорошим знанием девичьей психологии, — не теряет своей свежести и в наши дни, а их идеи о детском воспитании до сих пор привлекают внимание педагогов.

Бетье Беккер родилась в городке Флиссингене (Зеландия), в кальвинистской семье, ее отец был состоятельным торговцем. Она была младшей из четверых детей и с детства отличалась способностями к иностранным языкам и гуманитарным наукам. Когда ей было тринадцать лет, умерла мать, и отец воспитывал детей один, причем, как подчеркивают биографы писательницы, недостаточно строго. В семнадцать лет с Бетье произошло событие, наложившее отпечаток на всю последующую жизнь, а именно, она сбежала из дома с одним офицером, что считалось страшным позором. Бетье очень скоро вернулась домой, но скандал разгорелся нешуточный, и церковный совет Флиссингена установил за ней надзор. Через четыре года выход из этого унижительного положения нашелся сам собой. Бетье всегда много читала, и в 1758 г. ее заинтересовали статьи пастора Вольфа, знакомого с идеями Просвещения и выступавшего против традиционной кальвинистской нетерпимости. В начале 1759 г. они вступили в переписку, а осенью

1759 г. пятидесятидвухлетний вдовец Вольф приехал во Флиссинген, чтобы просить у отца Беккера руки его дочери.

После свадьбы супруги поселились в Беймстере (Северная Голландия). Брак был бездетным, так что у Бетье Вольф было достаточно времени для чтения, и под руководством мужа она занялась изучением современной философии и литературы. Добрые отношения с пастором Вольфом не мешали ей хранить в душе воспоминания о своей первой любви. Так, в письме от 19 ноября 1770 г. она писала: «За восторженной любви я заплатила тем, что сердце мое разорвалось, до самого основания, и даже после десяти лет страданий эта рана не перестает кровоточить».

Скрытый лиризм легко сочетался в Бетти с блестящим остроумием. Ее остроты, дошедшие до нас благодаря письмам и мемуарам, напоминают крылатые цитаты из Фаины Раневской. Приведем один пример. Всем знакомым пастора Вольфа было известно, что он всегда очень тяжело готовился к проповедям, которые по воскресеньям неразборчиво бубнил перед прихожанами. Если в субботу к ним в дом приходили желающие поговорить с пастором, то Бетье Вольф отвечала: “Mijn man is vanavond onzichtbaar om morgen onverstaanbaar te wezen” («Мой муж сейчас невидим, чтобы завтра быть неслышимым (непонятым)»).

Из просветителей Бетье Вольф особенно увлеклась Жан-Жаком Руссо, радовавшим за свободу воспитания. Вскоре она начала писать сама, причем высказывала в своих сочинениях мысли, которых едва ли можно было ожидать от жены пастора. В 1772 г. она опубликовала поэму «Менуэт и парик пастора» (“De menuet en de domineespruik”). Этой поэмой она откликнулась

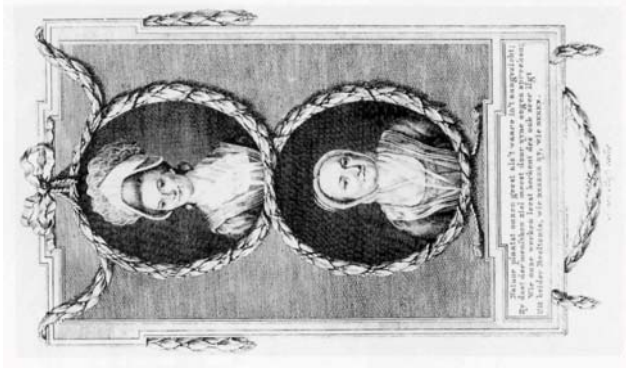
на реальное происшествие: в Гронингене церковный совет осудил своего члена, танцевавшегоเมนูэт на свадьбе собственной дочери. Бетье Вольф показала абсурдность этого осуждения, напомнив, что все пасторы носят парики, хотя по правилам они должны читать проповеди с непокрытой головой. Поэма, как это часто бывало в XVIII в., вышла в свет анонимно, однако читатели легко догадались, кем она написана, так что пастору Вольфу пришлось написать статью в защиту автора.

В 1776 г., незадолго до смерти мужа, Бетье Вольф познакомилась с начинающей писательницей Агатой (Аахье) Декен. Аахье прислала ей письмо, в котором порицала жену пастора за недостаточную богобоязненность и насмешливый тон в рассуждениях о церкви. За письмом последовала встреча: вскоре оказалось, что у молодых писательниц на самом деле много общих интересов.

Аахье Декен в четыре года осталась сиротой и воспитывалась в приюте в Амстердаме. Выйдя из приюта, она работала служанкой в богатых домах, позднее открыла магазин «Чай Кофе». В одном из домов она подружилась со смертельно больной хозяйской дочерью Марией Бос (Maria Bosch). Девушки, объединенные пылким стремлением к христианским идеалам, вместе писали стихи духовного содержания. Аахье ухаживала за больной подружкой до самой ее смерти в 1773 г., а в 1775 г. вышел в свет их совместный сборник «Благочестивые стихотворения» (“Stichtelijke gedichten”).

Когда умер пастор Вольф, Аахье и Бетье стали жить под одной крышей и писать вместе. Сначала они жили там же, в Беймстере, затем сняли домик в старинной деревне Де Рейп (Северная Голландия), а после 1781 г., когда Аахье получила большое наследство, купили имение Ломмерлюст (Lommerlust, *досл.* «Тенистая отрада») в местечке Бевервейк. Здесь они трудились в садовом домике, где стояли книжный шкаф и письменный стол. Над письменным столом висели портреты Эразма Роттердамского, Жан-Жака Руссо и Гуго Грюция. Здесь их посетил поэт Якобус Беллами, на которого писательский дуэт произвел большое впечатление: «Беккер — это укус, а Декен — растительное масло; вместе получается прекрасный соус», — писал он.

Важнейший итог сотрудничества Декен и Вольф — упомянутый роман в письмах «История девицы Сары Бюргерхарт». Форма эпистолярного романа, известная еще с XVII в., стала вновь популярна во всей Европе после книги англичанина Сэмюэля Ри-

Бетье Вольф (сверху)
и Аахье Декен (внизу).
Гравюра А. Кардона
по портрету В. Неринга
(1784)

чардсона «Памела, или Вознагражденная добродетель» (1740), имевшей грандиозный успех. Кроме того, в ту пору такая форма была вполне естественной, так как письма — как мы это видели по биографии Бетье Вольф — служили важнейшим средством общения. Все герои «Сары Бюргерхарт» пишут друг другу письма, каждый в своем собственном стиле. В разнообразии и непринужденной простоте языка в большей мере кроется особое обаяние романа, равно как и в живости описаний, яркости картинок нравов и выпуклости персонажей.

В предисловии писательницы с гордостью сообщают о том, что это первый в отечественной литературе «непереводной» роман, и потому он намного полезнее для юных голландок, чем переводы легкомысленных французских романов, чрезмерное увлечение которыми портит нравы. Они сразу формулируют свою цель: показать юным читательницам, как опасно увлекаться свободой и развлечением, так как даже порядочные девушки могут оказаться в очень неприятной ситуации.

Сюжет романа вобрал многие черты биографий его создательниц: сама Сара — круглая сирота (как Аахье Декен), она отличается живым независимым нравом и непокорством (как Бетье Вольф), самый драматичный эпизод романа — это попытка «гопледины Р.» соблазнить чересчур доверчивую Сару (параллель с драмой в молодости Бетье). Образы двух рассудительных взрослых женщин в романе, принимавших участие в судьбе Сары, — вдовы Виллис и вдовы Спилхуд, — можно считать автопортретами: в эпилоге эти достойные дамы поселяются вместе в точности в таком же загородном доме, в каком жили их авторы.

В начале книги девятнадцатилетняя Сара живет у своей незамужней тетушки Сюзанны Хофланд; ее опекун Абрахам Бланкарт, человек состоятельный и просвещенный, имеет собственное дело и, занимаясь международной торговлей, подолгу вынужден жить за границей. Те деньги, которые Бланкарт присылает Сюзанне на еду и одежду для Сары, тетушка расходует на угощение брата Беньямина — святоши, прикрывающегося благочестивыми речами, но на деле обирающего ее. Однажды Сара после ссоры сбегает из дома и поселяется, с согласия Бланкарта, в пансионе у вдовы Спилхуд, где уже живет одна ее подруга, тоже сирота. Вдова Спилхуд заботится о своих подопечных, помогая им найти правильный путь в жизни. Сара наслаждается избавлением от давления со стороны тетушки.

У нее появляются женихи. Влюбленный в нее брат еще одной ее подруги, Виллем Виллис — юноша славный, но слабохарактерный, он не сможет совладать с яркой и энергичной Сарой. Мать юноши, вдова Виллис, желая добра и сыну, и Саре, возражает против этого брака. Другой Сарин жених, Якоб Брюнье — человек недостаточно солидный и зарабатывает пока слишком мало денег, чтобы жениться. Самый серьезный претендент на руку Сары — Хендрик Эделинг, который и умен, и богат. Но Сара не спешит выходить за него замуж, так как не хочет лишаться свободы. Вдобавок отец жениха не дает согласия на брак, оттого что Сара — кальвинистка, а он сам и его сын — лютеране. Тут-то Сара и знакомится с распутным дворянином Р., для которого девушка бюргерского сословия — всего лишь игрушка. После страшной ночи в загородном доме, куда ее привез господин Р., Сара оказывается на грани нервного срыва. Тем не менее кончается все хорошо: девушка понимает, что на самом деле любит Хендрика Эделинга, сообщает ему всю правду о своем приключении с Р., и молодые люди решают пожениться. Разумному Абрахаму Бланкарту в итоге удается найти веские доводы, чтобы убедить Эделинга-старшего в том, что важна суть человеческих отношений, а не форма вероисповедания, так что роман заканчивается свадьбой. В эпилоге рассказывается о дальнейшей счастливой жизни всех героев.

После «Сары Бюргерхарт» Аахье Декен и Бетье Вольф написали в своем садовом домике еще несколько романов: «История Виллема Левенда» («*Historie van Willem Leevend*», 1784-85), «Письма Абрахама Бланкарта» («*Brieven van Abraham Blankaart*», 1787), однако они оказались менее удачны, чем «Сара Бюргерхарт».

Последние десятилетия жизни писательниц были полны бурных событий. В 1780-х годах их увлечение философией Просвещения приобрело политическую окраску: они присоединились к Патриотам (*Patriotten*) — движению, возникшему в Нидерландах в 1781 г. (описанному в предыдущей главе). После вторжения Пруссии в Нидерланды писательницам, как и многим другим Патриотам, пришлось эмигрировать, и они перебрались во Францию. Во Франции они продолжили совместное творчество: в 1796 г. вышел их четвертый роман «История девицы Корнелии Вилдсхют» («*Historie van mejuffrouw Cornelia Wildschut*»). Аахье и Бетье вернулись на родину лишь через десять лет, когда Нидерланды уже были заняты наполеоновскими войсками и назывались Батавской ре-

спубликой. Незадолго до этого их амстердамский поверенный, которому они доверили распорядиться их капиталом, совершил ошибку, из-за которой писательницы лишились всех денег. Теперь они поселились в Гааге и были вынуждены зарабатывать на себе на жизнь, но, судя по письмам, не падали духом и не теряли чувства юмора. “Ik vertaal dat ik er goeie en blaauw van word” («Я пе-ревожу до посинения и позеленения»), — писала Бетье.

Бетье Вольф умерла 5 ноября 1804 г., а Аахье Декен — девять дней спустя.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ (I):

1. Какие еще романы в письмах из русской и европейской литературы вы можете назвать?
2. Какие писательские дуэты вы знаете?
3. «Жена ж его была сама / От Ричардсона без ума». Кого имеет в виду Пушкин? На каких романах росла их дочь?
4. Какие новые идеи, характерные для эпохи Просвещения, прочитываются в «Саре Бюргерхарт»?
5. Найдите в интернете фото памятника писательницам работы скульптора Ханса Байенса (Hans Bayens, 1924–2003).

ТЕКСТЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ
(Сара пишет подруге Алетте Бюрнье)

Douce et tender Amie!

Je suis eptagée² эта старуха, моя тетушка, я не останусь здесь больше ни на неделю! Я живу как в аду. Моя тетья характером похожа на Его Величество Сатану, да и Брехт могла бы пополучить в его подземном царстве неплохую должность. Да! Стучи-стучи мне в дверь, я тебе не отвечу и не открою. То-то же! Она уже спускается к себе вниз и ворчит! Счастливого пути на первый этаж! Но пора, ma chère, описать тебе одну сцену, которая наверняка придется тебе по душе.

В среду в первой половине дня тетушка ярилась, как одержимая, оттого что я разбирала на клавире несколько новых арий (вот старая карга!). Ей вторила ее дубина-служанка, имевшая наглость заявить мне, что я оскорбляю и ее религиозное чувство.

¹ Любезная и нежная подруга! (франц.).

² Меня бесит (франц.).

Тут раздаются звонок в дверь. Брехт, своей расплывшейся фигурой напоминающая пышку, пошла, переваливаясь, как утка, к входной двери, а тетушка отвесила мне отвратительную оплеуху, потому что я продолжала играть. «Хозяйка, это брат Беньямин». — «Ах, чудесно, пригласи его сюда». И вот появился брат Беньямин, с виду лентяй и пьяница, в облачении сиреневого цвета (если не знать, то можно было бы подумать: отчего этот потрепанный лавочник вдруг так вырядился?). «Приветствую вас, брат, как вы поживаете?» — «Ничего, ничего, но вот голова у меня...» — «Это очень жаль, но ведь вы себя совсем не бережете». — «Да, по долгу службы... А как вы, сестра, поживаете? Кажется, вы чем-то расстроены?» — «Да, действительно, брат, в жизни не бывает все гладко...» (Обращаясь к служанке): «Ну как, Брехт, у нас ведь всё есть? Тогда брат по-домашнему останется у нас на обед». (Обращаясь ко мне): «Пожалуйста, Сара-голубушка (как такое вынести, “Сара-голубушка”! При том, что щека моя все еще горела от оплеухи), напеки-ка ты нам тоненьких блинчиков, брат так их любит!» Я закрыла мой клавир и ответила: «Хорошо, тетя». Пошла на кухню и стала спокойно печь блины, но-пока-жарила-все-сразу-сама-съедала. Это была моя первая выходка, но я ведь так редко делаю то, что хочу!

Я выполняю все работы по дому, потому что Брехт страшно не-поворотливая и ужасно пыхтит. Пока она где-то ковырялась, я стала накрывать стол. Брехт питается вместе с нами, потому что она у нас, видишь ли, «сестра Брехтэ». Тетушкин Тартюф должен был благословить трапезу, но он молился (так они называют его завья-вань), наверное, минут пятнадцать. Издаваемые им звуки больше напоминали мычанье или хрюканье неблагодарной скотины, чем вздохи взволнованного сердца, славящего своего Господа.

Мне, à l’ordinaire¹, положили еду на тарелку. Две ложки ово-щей с куском холодного мяса, оставшегося со вчерашнего обеда. Я повязала салфетку на шею: «Если мне дадут еды, как ребенку, то боюсь, что я как ребенок перепачкаюсь». — «Ох, лучше бы ты была ребенком!» — сказал обжора, слизывая с большого и указа-тельного пальцев масло, в котором была поджарена его котлета. «Это было бы славно!» — сказала тетушка. «Да, славно!» — ска-зала сестра Брехт. Тогда мне дали остатки шпината из кастрюли и кусочек котлеты. Между тем сестра Святоша² и брат опрокинули по рюмочке. Мне вина никогда не дают, тетя говорит, что мне вредно, наверное, так оно и есть, потому что я молодая и здоровая. «Будь добра, Сарочка, убери со стола, Брехт подустала, бедняга

¹ Как всегда (франц.).

² Так Сара называет свою тетушку.

старее». Я сделала, о чем меня просили, и накрыла для десерта. «А где же блинчики, Сарочка?» — «Они у меня в желудке, тетушка». Срываю с шеи салфетку (к несчастью, салфетка приземлилась прямо на братнин парик цвета пальмовой древесины) и бегу в свою комнату, чтобы переждать грозу.

Ты же знаешь, я быстроногая, и сейчас это пригодилось. Дверь на запор. Вечером лубина-служанка принесла мне кусок хлеба и кружку кислого пива, со словами: «Как так можно, ни за что ни про что оскорбить доброго христианина». — «Катись из моей комнаты!» — воскликнула я и вытолкала ее за дверь. Хлеб я съела (он был ред встреч с блинчиками). Пиво вылила вон, попила воды из графина. Рано легла спать и спала сном младенца. Мне только что принесли бутерброд с чашкой чая, похожего на помой. Тетушка ушла и не хочет меня видеть. Вот как обстоят дела. Может быть, я отдам тебе это письмо прямо в руки, может быть, нет: не знаю, как дальше все сложится. <...>

Становится темно, а у меня в комнате нет огня, так что я не могу больше писать. Интересно, что будет, когда я спущусь вниз? Сперва я поздороваюсь с тетушкой и, если она в неплохом настроении, сяду рядом с ней в вязаньем, а если теля невыносима, пойду в боковую комнату: ведь в передней комнате горит фонарь — открою клавиш и буду играть от всей души. Передай приветы госпоже вдове Спилгуд и расскажи ей обо мне то, что ты сочтешь нужным, если получишь это письмо раньше, чем мы встретимся. Всего доброго, моя радость!

Tout a toi¹,

С. Бюргерхарт

(Пер. И. Михайловой)

Сара выбегает из-за стола в доме тетушки.

Илл. к первому изданию (1782).

Гравюра К. Богертса по картине Й. Бейса

NEGENTIENDE BRIEF

(Fragment)

[Абрахам Бланкарт отчитывает тетушку Сюзанну за то, что она не по назначению тратила присылаемые ей деньги]

Mejuffrouw!

Wel zeit het Hollandsch spreekwoord: 'Hoe later op den dag hoe schoonder Volk.' Maar wat heb ik met uw gelol en uw heilige sukelaar te doen? Wat geef ik om uw Broêr Benjamin? Weet gy wat, Juffrouw Hoiland, uwe hele ouwe voddenwinkel van kweeslary raakt my niets, geen oogvol. Hou uwe brieven maar t'huis, ik weet alles in 't lang en in 't breed. Het Kind heeft deugdeelyk gedaan. Zy moet meer gedulds hebben dan ik, anders hadt zy zo lang niet eens by u gebleven; dat's maar uit. Waar ik in Amsterdam geweest, ik zou haar zelf uit uwe klauwen gehaalt hebben, en in myn huis gebragt; al hadt gy en uw volk my braaf gelastert, dat scheelt my weinig. Hoe, wat hamer! denkt gy, dat ik niet weet hoe jy haar gedaan hebt, en dat jy haar als een zottin door de god gantsche stad hebt laten lopen in ouwe konkelige kleëren, en dat voor een meisje die geld heeft, en altoos proper gekleed pleeg te zyn; iets dat ik ook byster graag zien mag: wat wil je nu daar van hebben, he? Jy meugt waaragtig nog wel spreken van omslag! Wat heeft Saartje by u gehad? overgeschoten klieken, en niet half haar bekomst. Weet je wat? Jy hebt het geld van een Wees met uw Smulbroërs, en Fekelkousen verteert, en het meisje nog gebruikt, om dat Gespuis optepassen; dat heb je. Je meid is een dronken Tobbe, hoor! Zy komt er genadig af. Laat zy nooit onder myne oogen komen, want ik ben wat poestig, ik mag geen onrecht zien, dat om de hage! niet; er zullen konkels zwaaijen.

ПИСЬМО СТО ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ

(Фрагмент)

[Через несколько недель после самого приключения, оправившись от пережитого шока, Сара описала, как господин Р. хитростью заманил ее в пустой загородный дом своих знакомых, чтобы там осуществить свой бесчестный план. Это описание она по большому секрету дает прочитать своим подругам, а также своему жениху, чтобы близкие ей люди знали, как было дело.]

Я: Отпустите меня! Еще не поздно, еще можно вернуться в город. (Он засмеялся.)

Он: Ты считаешь меня таким дураком, ч... поberi, думаешь, я выпущу свою добычу, когда она уже у меня в руках?

¹ Вся твоя (франц.).

Я: Если я хоть что-то для вас значу, если в вас остались хоть какие-то человеческие чувства в отношении девушки, ни разу ничем вас не оскорбившей, ни разу не сказавшей о вас плохого слова, считавшей вас другом и честным человеком, — отпустите меня, и я все прошу! (Я горько плакала.)

Он: Давай-давай, исполни еще раз ту же самую песню, но только в другом ключе: я люблю вариации, а темой ты владеешь превосходно!

Я: О, зачем вы смеетесь надо мной! Господь Бог знает, как мне страшно! О, моя дорогая, моя любимая подруга! О мой опекун, что же это я сделала!

Он: Что ты сделала? Ты по доброй воле пошла с человеком, который до смерти влюблен в тебя и хочет сделать тебя своей *sultane favorite*¹. Вот видишь, красавица, я не притворяюсь, будто хочу на тебе жениться, я не обманываю тебя, но разницы словесной никто не отменял.

Я упала на ступи, думаю, в тот момент я была готова вонзить нож в его подлое сердце, от унижения у меня помутилось сознание. На несколько минут он предоставил меня самой себе, и я сама не знаю, что творилось в моей душе! Он снова приблизился ко мне.

Я: Вы негодяй, о, люди добрые... о Боже! Неужели меня никто не слышит? (Он обхватил меня, но я, собрав все силы, не понимая, что происходит, оттолкнула его. Он прикусил губу и выругался. Потом я снова принялась умолять его, чтобы он меня отпустил.)

Он: Ладно, на коляске. (Я задумалась.)

Я: Давайте, если так надо.

Он: Нет, красавица, я вижу тебя насквозь. Ты останешься здесь, мне не надо в дороге никаких фокусов. Я думал, что ты пойдешь со мной по доброй воле, а теперь вижу, что зря на это рассчитывал.

Я: Подумайте о последствиях: вы нарушаете закон! (Он расхохотался.)

Он: Разве, голубушка? Неужели ты не знаешь, что судья не обращает внимания на такие маленькие авантюры? Думаешь, я боюсь оказаться в суде? Если бы я знал, что ты доставишь мне столько хлопот, я устроил бы все иначе.

Тут он так сильно сжал мою руку, что мне стало больно. Я так дрожала, что он отступил на шаг. Уже темнело, и мой страх рос с каждой минутой.

Я: Вы тигр, а не человек! Неужели вы можете спокойно смотреть на меня, когда мне так плохо? Какое вы имеете право?

¹ Любимой женой в гареме (франц.).

Он: Такое право, какое имеет любой ловец моего сословия, а именно, поселить в своем серале столько девушек, сколько ему заблагорассудится. Или, если хочешь, (он подошел ко мне вплотную) право сильного по отношению к слабому.

(Я упала перед ним на колени, я умоляла, я плакала, кажется, я даже назвала его несколько раз «мой любезный Р.»)

Я уже прежде слышала громкий шум, доносившийся из комнаты, но Р., казалось, не обращал на него внимания. Но в конце концов в коридоре послышались шаги садовника, и он прокричал: «Хозяин, лошади запутались ногами в поводах, я не могу с ними справиться. Что мне делать?» В ответ Р. разразился руганью и заорал: «Повеситься, пока я не сломал тебе шею!»

Слуга ушел со словами, что если хозяин не придет на помощь, то лишится своих лошадей. Продолжая ругаться, в бешенстве Р. бросился за ним, оттолкнув меня от двери и заперев ее за собой. Два он оставил меня одну, как в комнате тихонько приоткрылась другая дверь и вошла крестьянская девочка, которая, ни слова не говоря, подала мне знак, чтобы я поднялась с пола. Я немедленно так и сделала. Крадучись мы вместе вышли из дома, и она спрятала меня в своей кровати в своей комнатухе на чердаке.

(Пер. И. Михайловой)

NAREDEN

Wy hopen, dat de goede Lezers wel zo veel belang in de Historie van Sara Burgerhart zullen genomen hebben, om nog het een en ander te willen weten van de meeste hupsche menschen, die zy in dit Werk hebben leren kennen. Veel byzonders kan ik u niet verhalen, of ik zoude in het romanesque vallen. — Weet dan:

Dat onze Vriendin *Burgerhart*, zedert, tien jaren, zeer gelukkig leeft met haren braven Man, en reeds Moeder is van vyf aartige Kinderen, die zy voorbeeldig opvoedt; hoewel zy, onder ons gezegt, zeer wel weten wil, dat zy, in duizend opzichten, den raad haars Mans, en de lessen van de twee achttingwaardige Weduwen, *Buigzaam* en *Willis*, zich ten nutte maakt. Voor zes jaren stondt de oude Heer *Edeling* alle zyne zaken aan zynen Zoon *Hendrik* af, en slyt het grootste gedeelte van den zomer op zyn Buitenplaats, in het gezelschap zyner Dochter en van de Kinderen, die altoos haar Man en hunnen Vader met blydschap tegen wandelen, als men weet, dat hy buiten komen zal, 't welk doorgaans Vrydags middags na Beurstyd is. De Heer *Blankaart* woont in de stad, en blyft de liefde en lust van allen, die hem kennen. *Mevrouw Edeling* noemt hem nooit dan met aandoeningen, die de kinderlyke zeer naby komen. Hy gaat voort in weltersdoen; en dewyl de Weduwe *Willis* en de Weduwe *Spilgoed* by

elkander op een zeer fraai, eenvoudig Buitentje wonen, heeft hy een uitvlugt te meer: want hy gaat liefst om met verstandige vrouwen en jonge lieden. Deeze beide Dames leven zo gelukkig, dat de wonderlyke man eens zeide: 'Het zal voor u beiden zo een grote trek niet zyn in den Hemel te komen, als voor andre menschen, zo gelukkig zyt gy hier reeds.' <...>

Benjamin, Sijmslamp en Bregt zyn beneden de nieuwsgierigheid der lezers deezzer Historie.

<...>

Einde.

V

ЛИТЕРАТУРА

XIX ВЕКА

(до 1880-х годов)

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ (II):

1. Какими обидными словами Абрахам Бланкарт называет нахлебников Сюзанны Хофланд?
2. Охарактеризуйте речь каждого персонажа.
3. В романе много говорящих фамилий (Burgerhard, Blankkaart, Edeling, Sprigood и др.). Объясните, что они значат.
4. Перескажите своими словами, как сложилась дальнейшая жизнь Сары, отца и сына Эделингов, Бланкарта, вдовы Виллис и вдовы Спилгуд.